

А
Сергей Семенов.
ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ МОГИЛА.

Оригинал здесь: [Библиотека Магистра](#).

Наталье Волотовой.

1.

Была постройка маяка, наконец, окончена. Его утвердили на самой макушке яркой, пестрой горы, далеко видимой с моря. Из того далека маяк казался преднамеренной карандашной линией, чиркнутой по голубому полотну горизонта. Но отъезжавшему навсегда строителю маяка, когда тот с кормы парохода окинул свое детище последним, проверяющим взглядом, маяк показался вдруг темного воску свечечкой, поставленной им, строителем...

- ...кому? - разорвались мысли строителя.

- Се-бе... - Строитель улыбнулся над собою же, но ответ ему понравился:

- Себе, да, себе!

И, как живому и близкому существу, он в последний раз помахал еле видневшемуся маяку ласково протянутой рукою и ушел в свою каюту. Кроме удачного ответа, вызвавшего на его лицо долго не сходившую улыбку удовлетворения, строитель не унес в каюту ничего другого, связанного с маяком. Ему и до постройки этого маяка приходилось творить очень разные и очень неодинаково нужные людям произведения из камня, железа, бетона, дерева. Но они все: собор и университет, дворец и маяк - все и всегда распадалось в его представлении на одни и те же составляющие элементы: чертеж, смета, материал и плюс его собственная репутация добросовестного и талантливого строителя.

В продолжение полуторых лет, покамест строился маяк, жена строителя жила в большом курорте, верстах в тридцати восточнее постройки. В первый год она часто и с удовольствием приезжала посмотреть работы мужа. Но по мере того, как круглая башня маяка неудержимо обростала телом различных пристроек, по мере того, как на крыши пристроек организованно ложилось железо, а стены одевались краской, а трубы стали завиваться первыми дымками, ей все больше и больше стало казаться, что вместе с этим ростом маяка сжимается все недружелюбнее, теснее и браслет обступивших маяк гор.

В один из приездов это впечатление настолько поразило ее, что, ничего не сказав мужу, она одна поднялась по винтовой лестнице круглой башни. Выбравшись на верхнюю площадку, она оглянулася, проверяя себя.

Прямо на юг было море.

- Бо-ольшо-о-ое... Ах, большое... - и она пугливо поежилась - не столько от задувавшего норд-оста, сколько от этой, вдруг ставшей совсем очевидной, огромности моря.

Горы же показались с высоты круглой башни еще более неприятными. На запад, север, восток - всюду горы, только горы. Отсюда, с башни, их каменные линии, очертания, контуры пересекались под странными углами, сдвинулись со своих мест. И потом? ...гор оказалось очень много. Чересчур много! Она никак не предполагала. И потом? ...каждая гора оказалась отдельной от другой; гора необычайно вылезала из-за горы, гора чудовищно лезла на гору; горы казались огромными, тревожными спинами; горы, действительно, надвигались на маяк недобрым кольцом...

У подножия башни она прижалась к мужу:

- Бедненькие... - сказала она, вздрагивая плечами.

- Кто у тебя - бедненькие?

- Жить кто останется здесь.

Строитель засмеялся; смех его, казалось, сверкал физической крепостью его собственного тела.

Она уехала и не приезжала до тех пор, пока не получила от него записки, приглашавшей на торжество открытия и освящения маяка. Был июльский полдень, походивший на золотой горячий сон, в котором как бы навсегда застыли море, маяк и горы. Но она вдруг не узнала ни моря, ни маяка, ни гор. Все вокруг как будто съежилось и стало домашней, уютней. В полуверсте от берега украшала море неподвижная беленькая яхта губернатора, прибывшего на торжество. И, должно быть, именно звуки музыки, лившиеся с яхты, сковывали теперь пугавшую ее огромность моря. В горах, несмотря на